
ЗНАНИЕ И ПРЕДРАССУДОК

И.Р. Габдуллин

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются основные эпистемологические параметры сравнения понятий «знание», «истина», «заблуждение» и «предвзгляд». Выявляются некоторые логические следствия, возникающие в результате проведенного сравнения. На основе исследования гносеологического измерения предвззуда делаются определенные выводы теоретического характера, позволяющие по-новому осмыслить природу и роль предвззуда как особого вида эпистемического состояния сознания.

Ключевые слова: знание, истина, заблуждение, предвзгляд, суеверие, эпистемическое состояние сознания, иллюзии восприятия, наивный реализм.

Несмотря на многообразие определений, смыслов и контекстов, сопровождающих феномен предвззуда как особого ментального состояния сознания, все же приходится констатировать, что наиболее устоявшимся значением соответствующего слова остается придание ему определенного эпистемического содержания. Так, предвзгляд либо напрямую связывается с заблуждением — ложным мнением, суеверием, либо с мнением лишенным достаточных оснований.

И та, и другая из указанных характеристик (ложность и необоснованность) находятся в одной категориальной плоскости с понятием знания, по крайней мере, в рамках традиционной трактовки последнего, поскольку в качестве главных критериев здесь как раз принимаются истинность и обоснованность.

Таким образом, если исходить из традиционной трактовки знания как истинного и обоснованного мнения, а в понимании предвззуда руководствоваться сложившейся практикой словоупотребления его как ложного и необоснованного мнения, то знание и предвзгляд находятся в отношении логической сравнимости, причем такой, что позволяет трактовать эти понятия как несовместимые по их логическому объему.

Опираясь на наш собственный опыт в исследовании феномена предвззуда [2], все же необходимо признать, что эпистемологический и логический аспекты в природе предвззуда представляют собой хотя и важные, но не единственные его компоненты. Учитывая это, в данной статье в основном мы будем руководствоваться следующими определениями.

Предвзгляд это знание, погруженное в ценностный контекст, он выражает (явно или не явно и практически неосознанно) ценность и неотъемлемо ей присущее эмоционально-аффективное содержание. Ядром структуры предвззуда, несомненно, выступает его особым образом организованное ценностно-когнитивное взаимодействие компонентов сознания, представляющее его, прежде всего, как особую форму предпосылочного знания, в которой ценностный компонент доминирует относительно когнитивного (1).

В психологическом измерении предрассудок представляет собой неосознаваемую рационализацию чувственно-эмоционального состояния сознания в виде негативной или позитивной оценки, выступающей субъективным обоснованием истинности некоего положения вещей, закрепленного в стереотипной форме и выражающего определенную установку.

Одной из основных познавательных проблем, затрудняющих объективное, адекватное соотношение знания и предрассудка, явилась традиция, восходящая еще к просветителям. Согласно с ней «подлинное», истинное знание противоплагается таким феноменам сознания, которые назывались «идолами» разума», «заблуждениями ума» или просто пережитками сознания, объединяемыми собирательным понятием «предрассудок». Все эти когнитивные конструкции были однородными по ряду негативных признаков, такими как консервативность, невосприимчивость к рациональной критике, но главное — полагались как ложные и вследствие этого становились объектом непреходящей критики. Известная оппозиция мифопоэтического мышления «свет — тьма» приобрела у просветителей «гносеологическое обличье истины и заблуждения, знания и предрассудков» [6. С. 6].

Сравнивая методологические установки относительно понятия достоверности Декарта и Витгенштейна, можно увидеть, как это делает, например, Л.А. Микешина [9. С. 22—23], что жесткая позиция противопоставления знания и предрассудков стала претерпевать изменения в сторону их сближения через сближение знания и сомнения, различая при этом разведение знания и догматической уверенности. Но если картезианский принцип *cogito ergo sum* не позволяет признавать предрассудки, под которыми здесь понимаются эмпирические положения, принятые на веру, в качестве оснований достоверного мнения, то для Витгенштейна сами эмпирические пропозиции, принятые исходно на веру как несомненные, рассматриваются необходимым основанием и предпосылкой всякого понимания и суждения.

В современных дискуссиях по проблеме знания наметившаяся тенденция не изменилась, но по-прежнему сохранила недостаточную определенность в различении собственно знания и предрассудка.

Надо отметить, что сама категория знания всегда была предметом неопределенности в философии. Можно лишь выделять так называемую «традиционную» методологическую установку в понимание знания, которая сохраняет свою значимость при определении отличительных особенностей знания, но все же претерпевает существенные корректировки и принимается при соблюдении определенных условий, определяемых, в свою очередь, в рамках рационально разработанных концептуальных схем и философских направлений.

Одной из таких концептуальных схем, непосредственно разрабатывающих категорию знания, является построение когнитивной модели на основе понятия «эпистемического состояния» познающего субъекта. В современной эпистемологии такая концепция была теоретически разработана Питером Герденфорсом в книге «Знание в движении» [20].

Согласно этой модели эпистемическое состояние субъекта есть не что иное, как множество его убеждений в широком смысле, а именно множество всех тех высказываний, относительно которых субъект верит, что они являются истинными. Рассматривая данную концепцию в сравнительном анализе с традиционной интерпретацией категории знания через понятия мнения и убеждения, современные ее критики справедливо отметили, что такой подход вовсе не означал элиминацию понятия знания. Можно согласиться, на наш взгляд, с мнением Я.В. Шрамко по этому поводу, что здесь «речь идет о переходе к более общему понятию, объединяющему старые категории знания и мнения, — понятию эпистемического состояния субъекта» [1. С. 382].

С момента становления теоретического научного и философского знания разные мыслители пытались раскрыть трудности взаимопонимания, пытаясь понять истоки склонности людей следовать ложным схемам.

Гносеологически ориентированные концепции видели в этом одну из важнейших познавательных проблем. Одни полагали опыт в качестве исходной предпосылки для ликвидации всяческих иллюзорных форм, «идолов» сознания, искажающих познавательный процесс. Другие рассматривали преодоление иллюзий и заблуждений как процесс очищения аутентичного истинного знания от «завалов» искажающего чувственного восприятия.

Просвещенческая борьба с предрассудками фактически поставила на место «вытесненных», «изжитых» предрассудков новые постулаты, догмы, парадигмы, установки, которые сегодня в современной философии науки, например, называются не иначе как «классические предрассудки», такие, например, как «наивный реализм», «фундаментализм», «кумулятивизм» и другие ментальные установки сознания, рассматриваемые как элементы традиционного наследия периода становления науки Нового времени [7. С. 30—33].

Одной из причин, по которой предрассудок ассоциируется с заблуждением, является то, что произвольно смешиваются недостаточность (или полное отсутствие) оснований и признания ложности чего-либо. Соответственно, подлинно истинным признается то, что с необходимостью следует из не вызывающих сомнения оснований. Если предрассудок понимать здесь как мнение, выносимое до получения достоверной информации, служащей, как раз достаточным основанием, то становится ясным функциональная близость к заблуждению.

Анализируя процесс исторического становления современной западной эпистемологии, П. Фейерабенд особенно выделяет роль естественных интерпретаций, особых умственных операций, всегда сопровождающих работу органов чувств в познавательном процессе.

Следует обратить внимание, что понятие естественной интерпретации не означает только чувственную оценку или только чисто когнитивную. Это именно сплав чувств и разума. По своим характеристикам эти естественные интерпретации вполне сопоставимы с теми чертами, которые были уже выявлены и приняты как существенные для определения предрассудка.

По мнению П. Фейерабенда, «в истории мышления естественные интерпретации рассматривались либо как *априорные предпосылки* науки, либо как *пре-*

дубеждения (курсив П.Ф.), которые должны быть устранены, прежде чем может начаться серьезный анализ. Первая установка сформулирована Кантом, и до сих пор ее придерживаются некоторые современные представители лингвистической философии, хотя, конечно, в иных формах и при иных способностях. Вторая позиция восходит к Бэкону (у которого, однако, были такие предшественники, как древнегреческие скептики)» [14. С. 78—79].

Кроме того, современные психологические исследования вообще не считают возможным осуществление нормального процесса восприятия без непосредственного сопровождения определенной мыслительной деятельностью. Вот почему, на наш взгляд, П. Фейерабенд, давая оценку роли естественных интерпретаций не только в науке, но в человеческом познании в целом, так уверен в своем мнении: «Устраните все естественные интерпретации — и вы устраните способность мыслить и воспринимать... человек, который остается с одними чувственными восприятиями, не имея в своем распоряжении ни одной естественной интерпретации, будет *полностью дезориентирован* и не сможет даже *начать* построение науки... Отсюда следует, что намерение начать с нуля после полного устранения всех естественных интерпретаций является саморазрушительным» [14. С. 82].

Но такой смысл, вкладываемый в понятие естественной интерпретации, явно носит характер противопоставления чувственного и рационального в познании там, где возможно их представить взятыми в «чистом» виде. Такая ситуация возможна хотя бы при решении собственно методологических проблем познания при отвлечении от всего того, что подразумевает реальную взаимообусловленность чувственно-эмоционального и рационально-рассудочного.

Сама по себе эта познавательная-методологическая ситуация достаточно тривиальна. Интересно здесь другое. Представленная оппозиция не совпадает с негласно (имплицитно) принятой в эпистемологической традиции посылкой, согласно которой все, что сознательно (эксплицитно) квалифицируется как предрассудок, подлежит устранению из процесса становления подлинно научного знания. Ведь с предрассудком ассоциируется не рассудочное, а предрассудочное, далее, не рациональное, а чувственно-иррациональное содержание знания.

Каковы же логические следствия из описанной несогласованности? Формой выражения предрассудка могут выступать не только компоненты познавательного процесса, которые преимущественно определяются их аффективно-иррациональными сторонами, но и те из них, которые являются неосознаваемыми и при этом рационально-упорядоченными. Если принять во внимание вновь возникшие нюансы в связи с такой интерпретацией самой природы предрассудка, или, так сказать, его неожиданно высветившееся грани, то становится и понятной особая оценка Фейерабендом «тех редких мыслителей, которые не хотели ни вечного *сохранения* естественных интерпретаций, ни полного *устранения* их» [14. С. 79].

Общие оценки такого рода совершенно чужды, например, творчеству Галилея, его способу мышления. Так, он (Галилей) не раз высказывает мысль о том, что для истинного понимания природы необходима помощь разума в чувственном восприятии, точнее, нужно «чувство... сопровождаемое рассуждением» [4. С. 353].

Формой знания, на наш взгляд, наиболее адекватной, согласующейся с семантическим содержанием слова «предрассудок», является хорошо известное в современной эпистемологии понятие предпосылочного знания. В самом широком значении слова предпосылками считаются различные основания и стимулы, побуждающие людей к осуществлению некоторых действий, в том числе и уже имеющуюся систему знаний о мире. Предпосылочные знания относятся к такому типу предпосылок, которые связаны с осуществлением интеллектуально-познавательной деятельности сознания, обязательно включающей в себя не только осознанную рассудочную деятельность (посылки), но и то, что ее непосредственно предваряет, то есть *пред-рассудок*. В этой связи предрассудок выражает ту часть рассудочной деятельности, которая в момент вынесения явного мнения перешла в периферическую, скрытую форму и непосредственно не осознается, как это показано М. Полани в концепции неявного (личностного) знания.

Случаи проявления такого знания можно «просто» назвать также и проявлением «истинного» предрассудка, а те ситуации высказывания какого-либо мнения (эпистемического состояния сознания), которые показали свою ложность и необоснованность, можно было бы назвать «ложным» предрассудком. Но современная эпистемологическая ситуация, связанная с анализом категории знания, такова, что понятие знания в так называемом «традиционном определении знания» не является бесспорной даже в рамках аналитической философии. Об этом свидетельствует до сих пор остающееся актуальным обсуждение известной *проблемы Гетье* [1. С. 359—363]. Здесь важно отметить, что условие истинности и достаточной обоснованности как критерий отнесения к знанию большинством исследователей признается необходимым, хотя и недостаточным для безусловного и строго отнесения определенного эпистемического состояния к категории знания.

Все мы привыкли к словосочетанию «ложные предрассудки», хотя если исходить из понимания предрассудков как особого рода заблуждений, то оно представляет собой явную тавтологию.

Проблема здесь нам видится в том, что, во-первых, предрассудки несут в себе не только ложное, но и истинное мнение; во-вторых, истинное и ложное сочетается в одном и том же ментальном состоянии сознания; в-третьих, говоря об «истинных предрассудках», часто имеют в виду способность конкретного предрассудка выражать позитивную («истинную») значимость, полезность (2), то есть ценность.

Здесь следует учесть, что даже «внутри рациональной компоненты знания содержится ценностная компонента — сама процедура *оценки* знания» [12. С. 21]. При этом сама конкретная практика использования слова «предрассудок» чаще всего сопровождается «моментом предрассудочности», направленным к нему же, но в скрытой (неосознаваемой) форме. Другими словами, заметив чье-либо заблуждение, мы охотно пользуемся для усиления своей позиции словом «предрассудок», но наши собственные заблуждения мы замечаем гораздо меньше и гораздо реже, но даже если это происходит, то предрассудком мы их назовем еще реже: «Чтобы вычленив предрассудок в качестве такового, требуется, очевидным образом, приостановить его воздействие. До тех пор, пока предрассудок (предсуждение) оказывает на нас определяющее воздействие, мы не знаем и не думаем о нем как о суждении» [3. С. 354].

Х.-Г. Гадамер, пытаясь претворить в жизнь свою программу по «реабилитации предрассудков», постоянно обращается к проблеме предубеждения относительно предрассудков вообще. В этой связи и ставится один из важнейших критических вопросов герменевтики: «как отделить *истинные* предрассудки, благодаря которым мы *понимаем*, от *ложных*, в силу которых мы *понимаем превратно*». [3. С. 353].

Под истинными предрассудками мы будем понимать такие их формы, которые по объективному своему содержанию несут в себе истинное и обоснованное мнение, причем 1) вне зависимости от того, считает ли тот, кто *называет* это мнение, предрассудком (можно называть свое мнение истинным, но при этом не считать его предрассудком), 2) вне зависимости от того, считает ли кто-либо предрассудок заблуждением (можно называть чье-либо мнение заблуждением, но при этом отождествлять его с предрассудком).

Среди перечисленных выше «классических предрассудков» особое место занимает так называемый «наивный реализм», поскольку он стал объектом пристального внимания многих известных исследователей истории и философии науки, а также представителей такого направления, как эволюционная эпистемология, которая достаточно активно использует экспериментальные данные эволюционной когнитивной психологии и нейрофизиологии.

Так, например, Б. Рассел, исходя из тезиса о том, что «все, что (как мы думаем) мы знаем о физическом мире, целиком зависит от допущения, что причинные законы существуют», призывает исследовать «нашу веру в причинение» и связывает ее с предрассудком наивного реализма [13. С. 333]. При характеристике в рамках современной ему (Расселу) физики четырехмерное многообразие пространства-времени отмечается, что это «многообразие является усовершенствованием старого многообразия „вещей“, упорядоченного в различные пространственные структуры, изменяющиеся во времени; а это в свою очередь было усовершенствованием того многообразия, которое получалось в результате предположения точного соответствия между восприятием и „вещами“».

Согласно такой интерпретации физической теории имеются определенные элементы, которые переносятся без изменений из мира чувств в мир физики. В качестве таких элементов называется отношение сосуществования, отношение более раннего и более позднего и др., что и характеризует «остаток наивного реализма, который все еще живет в физике» [13. С. 356]. В итоге Б. Рассел, хотя и не без сожаления (3), приходит к выводу о том, что наивный реализм «продолжает жить, прежде всего, потому, что нет никакого положительного аргумента против него, потому, что связанная с ним физика соответствует известным фактам, и потому, что предрассудок заставляет нас склоняться к наивному реализму всегда, когда его нельзя опровергнуть» [13. С. 356].

Возможно, выводы и оценки, сделанные Б. Расселом, были бы иными или, по крайней мере, более оптимистичными, если бы были приняты во внимание результаты экспериментов, проводимых в рамках различных программ, объединяемых общим названием «когнитивных наук», особенно эволюционной когнитивной психологии, нейробиологии, различных концепций современной теории информации и др.

Некоторые конкретные примеры-иллюстрации из этой области, на наш взгляд, наиболее тесно связаны с проблемой предрассудков и в то же время имеют непосредственное отношение к вышерассмотренным взглядам Б. Рассела, особенно к таким из них, в которых перцептуальное пространство представляется «конструкцией обыденного здравого смысла», куда включаются «зрительные пространственные отношения: наверху-внизу, направо-налево, глубина на определенное расстояние (за пределами которого различия в глубине не воспринимаются)» [13. С. 342].

Ниже приведенные примеры демонстрируют хорошо известные психологам так называемые «иллюзии восприятия» (5):

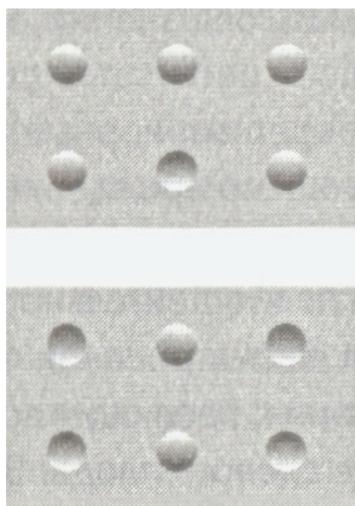

Рис. 1

Рис. 2

На рис. 1 видно: сверху — половинка костяшки домино с пятью вогнутыми пятнышками и одним выпуклым. Внизу — половинка с двумя вогнутыми и четырьмя выпуклыми пятнышками. На самом деле, мы имеем дело с изображением на плоском листе бумаги. Пятнышки выглядят вогнутыми или выпуклыми из-за характера их затенения. Мы ожидаем, что свет падает сверху, поэтому у выпуклого пятнышка должен быть затенен нижний край, а у вогнутого — верхний. Если перевернуть лист, то вогнутые пятнышки станут выпуклыми, а выпуклые — вогнутыми.

Да, действительно, перед нами то, что психологи называют «иллюзией восприятия», но все же мы склонны назвать иллюзией не само восприятие, а скорее

иллюзорен сам предмет, который является источником восприятия. Перед нами не сам предмет, а его изображение на плоскости. Здесь сразу же возникает ассоциация со знаменитым примером «ста талеров» Канта.

Рис. 2, хотя несколько более сложен для восприятия, но, на наш взгляд, не менее показателен. Здесь изображены фотографии вращающейся маски Чарли Чаплина (последовательность справа налево и сверху вниз). Лицо внизу справа вогнутое, потому что зафиксирован взгляд изнутри на маску, но воспринимается это как взгляд снаружи и выглядит как выпуклое, с выступающим носом и ушами.

В данном случае предпосылочное знание того, что лица при изображении «должны быть» выпуклы, берет вверх над тем, что мы знаем о свете и тени. И здесь наше восприятие ведет себя «правильно», ведь в момент восприятия «выпуклое» и «вогнутое» относится не к изображению, а мысленно переносится к действительно выпуклому и вогнутому, относится к реальному предмету. Ведь только по изображению на плоскости действительно нельзя определить, внутренняя или вогнутая сторона маски сфотографирована. Поэтому, если нас заранее не предупредили, что мы имеем дело с мистификацией фотографа, рационально придерживаться сложившегося предпосылочного знания, которое может быть названо предрассудком теми, кто считает предрассудок «привычным, но ложным мнением».

Действительно, в данном случае мнение о том, что перед нами выпуклое (на нижнем снимке рис. 2) изображение, оказалось на самом деле вогнутым. Но, на наш взгляд, в тех тысячах случаях, когда мнение о том, что при изображении на плоскости выпуклых предметов они и должны нами восприниматься как выпуклые, оказывается адекватным действительности — такое мнение тоже может быть отнесено к предрассудкам, но только к истинным предрассудкам. Просто те предрассудки, которые поворачиваются к нам своей истинной стороной, оправдывают наши ожидания, такое мнение мы не привыкли называть предрассудками (благодаря нашему предубеждению против предрассудков вообще).

Если сравнительно недавно (вторая половина XX в.) само понятие предрассудка в основном связывалось с психологическими исследованиями, то на сегодняшний день сфера распространения научного интереса к этому явлению заметно расширилась. Для эпистемологии конца XX в. «все большее значение стали приобретать достижения эволюционной биологии, генетики человека и когнитивной науки, получившие широкое применение в информационных и биотехнологиях» [8. С. 6]. Так, по мнению канадских биологов К. Эббота и Т. Шеррата, предрассудки (4) — это следствия наличия у людей и животных адаптивного механизма обучения, который помогает избежать двух видов ошибок: отказа от эксплуатации существующей причинно-следственной связи и попытки эксплуатации несуществующей причинно-следственной связи. В этой связи было проведено исследование механизмов возникновения, сохранения и исчезновения предрассудков у животных и людей. Субъект распределяет свои усилия между эксплуатацией «проверенных схем» и исследованием новых [17. Р. 85—92]. В рамках эволюционно-информационной эпистемологии эти факты могут быть объяснены как результат продолжения естественного отбора, который «оказы-

вается направленным на формирование и эволюционное развитие у организмов все более высокоорганизованных когнитивных систем» [8. С. 22].

Из истории науки известно, что И. Ньютон представлял бесконечность пространства и вечность времени как неизбежные следствия применения закона тяготения ко всей Вселенной.

Ньютон признавался, что причину многих свойств силы тяготения он не мог вывести из явлений, утверждая при этом свое знаменитое «гипотез же я не измышляю» [11. С. 662]. В поддержку использовался следующий аргумент: «Такое изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и по власти могущественного и премудрого существа» [11. С. 659]. Но современная наука давно признала уже недостаточность такого «обоснования» абсолютности пространства—времени. Ведь согласно аргументации Ньютона планеты не падают к Солнцу благодаря вращательному движению, преданному всей Солнечной системе божественным вмешательством (в начале творения), а галактики не сливаются в результате взаимного притяжения только потому, что Вселенная представляет собой систему без пределов и границ, а иначе Вселенная со временем рухнет сама на себя под действием силы тяжести. Таким образом, здесь фактически мы имеем дело с явно *проблематичным* (с точки зрения строго научного мышления) метафизическим положением.

На самом деле тезис об абсолютности пространства-времени не только на сегодняшний день не является доказанным экспериментально, но этого нельзя сделать и теоретически, поскольку нельзя измерить какой-либо аппаратурой абсолютную и бесконечную величину.

Но рассматриваемый тезис Ньютона может сохранять свою силу, если он только будет приниматься как *непроблематичное* неосознаваемое знание, для успешного принятия которого ценностный аргумент (например, ссылка на авторитет Ньютона) будет доминировать над когнитивным (рационально-дискурсивным) основанием. Это и есть не что иное, как предрассудок. Для тех, кому приемлемо выражение «истинная ценность» и при этом признается истинность ценности, заложенной в данной ценностно-когнитивной конструкции, ничто не мешает назвать ее истинным предрассудком.

В заключение попытаемся рассмотреть похожую (по нашему мнению) ситуацию с позиций философско-онтологического анализа, как это делает, например, Н. Гартман, исследуя некоторые идеи И. Канта. В этой связи специально вводится термин *коррелятивистский предрассудок*.

Речь идет о так называемом коррелятивистском аргументе, суть которого в том, что весь процесс познания неразрывно соотнесен (коррелятивен) с субъект-объектными отношениями таким образом, что сам предмет познания «невозможно отделить от сознания, он вообще есть лишь предмет «для» сознания», поскольку нет объекта познания без субъекта познания [5. С. 102].

Но не смотря на то, что сам Н. Гартман называет коррелятивистский аргумент ложным [5. С. 104], в то же время делает он это не безусловно, а утверждая, что «в базовом феномене познавательного отношения соотнесенность субъекта

и предмета все-таки остается... Фальш этого предрассудка можно вскрыть, лишь признав для начала вполне и всецело его феноменальный базис», признавая верным при этом то, что «в области познания всякая данность сущего имеет форму предметности» [5. С. 221—222].

Таким образом, «вскрывая» ложность предрассудка, одновременно вскрывается, акцентируется и его истинная часть. Коррелятивистский предрассудок — это пример именно *истинного предрассудка*: он несет в себе истинное и обоснованное мнение. Другое дело, что при этом он может так же и быть, одновременно, и ложным предрассудком, но в другом отношении, в том отношении, на котором и акцентирует свое внимание Н. Гартман. Наша позиция здесь предельно проста: нельзя редуцировать понятие предрассудка только к его ложной части. То же самое мнение, даже хорошо обоснованное как ложное в определенном контексте, не устраняет его истинности в другом контексте.

В этой связи хотелось бы отметить двойственную роль, которую играют предрассудки в познании. С одной стороны, всем хорошо известны такие качества предрассудков как, консервативность, сопротивляемость новому, неявленность, сокрытость, которые часто понимаются негативно. Но те же самые качества объективно выступают как позитивно значимые, если провозглашаемое новое в действительности оказывается ложным или вредным (6). Таким образом, при определенных условиях установка на преодоление предрассудков фактически может обернуться установкой на замену проверенной истины «прогрессивным» заблуждением, хотя внешне это может восприниматься с точностью до наоборот.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Признавая за предрассудком в конечном счете статус знания, в то же время мы и отчетливо осознаем, что предрассудок есть не только знание. Скорее можно сказать, что предрассудок *несет* в себе знание. Знание, прежде всего, выражает объектную направленность сознания, в отличие от субъектно-направленной ценности.
- (2) Например, Э. Бёрк утверждал, что «вместо отбрасывания всех наших старых предрассудков, мы очень дорожим ими и, что усугубляет наш стыд, мы дорожим ими потому, что они предрассудки... Предрассудок превращает достоинство человека в его привычку, а не в ряд несвязанных поступков. Именно через предрассудок долг человека становится частью его натуры» [18. Р. 76—77]. Ясно, что в таком контексте предрассудок не будет ассоциироваться с «ложным мнением». Но даже в тех случаях, где это происходит, то иногда при этом отмечается и «полезность», как это делает Ф.Д.С. Честерфилд: «Глупое и самоуверенное убеждение, прочно у нас укоренившееся, что один англичанин справится с тремя французами, воодушевляет его справиться, по крайней мере, с двумя» [16. С. 151].
- (3) В книге «Человеческое познание» Б. Рассел отмечает: «Без сомнения, физика хотела бы забыть свою раннюю историю... Но, к несчастью, ее право на наше уважение в значительной мере опорочивается ее прежней связью с наивным реализмом; даже в ее наиболее утонченной форме она все еще является тем произведением, основное содержание которого дает наивный реализм» [13. С. 342].
- (4) В англоязычной литературе для обозначения слова, переводимого на русский язык как «предрассудок», используются термины «superstition» и «prejudice» как взаимозаменя-

емые. В статье К. Эббота и Т. Шеррата слово *superstition* при переводе означает также и «суеверие»: «While superstitions appear maladaptive, they may be the inevitable result of an adaptive causal learning mechanism that simultaneously reduces the risk of two types of errors» [17. P. 85].

- (5) Источник фотоиллюстраций: [15. С. 201], со ссылкой на [19].
- (6) Эта ситуация характерна для такой своеобразной формы духовной деятельности, как квазинаука, которая «сознательно или бессознательно отвергает нормы, стандарты, критерии и ценности научной деятельности, пытается отрицать проверенные практикой законы природы» [10. С. 8].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аналитическая философия / Под ред. М.В. Лебедева, А.З. Черняка. — М.: Изд-во РУДН, 2006.
- [2] Габдуллин И.Р. Метафизические основания в понимании предрассудка как формы когнитивно-ценностного взаимодействия в структуре сознания // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2011. — № 7. — С. 167—174; Его же. Предрассудок как закономерный момент функционирования сознания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». — 2012. — № 2. — С. 33—38.
- [3] Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988.
- [4] Галилей Г. Избранные труды в двух томах. — Т. 1. — М.: Наука, 1964.
- [5] Гартман Н. К основоположению онтологии. — СПб.: Наука, 2003.
- [6] Гусакова Т.Ф. Предрассудок как предмет философского исследования: Дисс. ... канд. филос. наук. — Екатеринбург, 1994.
- [7] Ивин А.А. Классический стиль мышления Нового времени // Философский журнал. — 2011. — № 2. — С. 24—39.
- [8] Меркулов И.П. Когнитивные способности. — М.: ИФ РАН, 2005.
- [9] Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
- [10] Наука и квазинаука / Под ред. В.М. Найдыша. — М.: Альфа-М, 2008.
- [11] Ньютон И. Математические начала натуральной философии / Репринт. воспроизв. изд. 1936 г. — М.: Наука, 1989.
- [12] Павленко А.Н. Коммуникация — условие передачи знания и реализация Vim-технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». — 2012. — № 2. — С. 15—22.
- [13] Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы: Пер. с англ. — Изд-во Ника-Центр, 1997.
- [14] Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания. — Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.
- [15] Фрит К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. — М.: Астрель: CORPUS, 2010.
- [16] Честерфилд Ф.Д.С. Письма к сыну // Если хочешь быть свободным. — М., 1992.
- [17] Abbott K.R., Sherratt Th.N. The evolution of superstition through optimal use of in complete information // *Animal Behavior*. — 2011. — Vol. 82, Issue 1, July. — P. 85—92.
- [18] Burke E. Reflection on the revolution in France. 1790. Hackett Pub. Co., Indianapolis, Ind.: 1987.
- [19] Gregory R. Eye and brain: The psychology of seeing (5th Ed.). — Oxford: Oxford University Press, 1997.
- [20] Gärdenfors P. Knowledge in Flux. Modeling the Dynamics of Epistemic States. — The MIT Press, Cambridge — London, 1988.

KNOWLEDGE AND PREJUDICE

I.R. Gabdullin

Chair of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Subject to review in this article are the epistemological comparison parameters concepts of knowledge, truth, misconception and prejudice. The study identifies some logical consequences of this comparison. Based on the study of epistemological dimension of prejudice to establish a certain theoretical conclusions, allowing to rethink the nature and a role of prejudice as a special kind of epistemic states of consciousness.

Key words: knowledge, truth, misconception, prejudice, epistemic states of consciousness, illusions of perception, naive realism.

REFERENCE

- [1] *Analiticheskaja filosofija* / Pod red. M.V. Lebedeva, A.Z. Chernjaka. — M.: Izd-vo RUDN, 2006.
- [2] *Gabdullin I.R. Metafizicheskie osnovanija v ponimanii predrassudka kak formy kognitivno-cennostnogo vzaimodejstvija v strukture soznaniya* // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2011. — № 7. — S. 167—174; *Ego zhe. Predrassudok kak zakonomernyj moment funkcionirovanija soznaniya* // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Filosofija»*. — 2012. — № 2. — S. 33—38.
- [3] *Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki*. — M.: Progress, 1988.
- [4] *Galilej G. Izbrannye trudy v dveh tomah. T. 1*. — M.: Nauka, 1964.
- [5] *Gartman N. K osnovopolozheniju ontologii*. — SPb.: Nauka, 2003.
- [6] *Gusakova T.F. Predrassudok kak predmet filosofskogo issledovanija: Diss. ... kand. filosofskih nauk*. — Ekaterinburg, 1994.
- [7] *Ivin A.A. Klassicheskij stil' myshlenija Novogo vremeni* // *Filosofskij zhurnal*. — 2011. — № 2. — S. 24—39.
- [8] *Merkulov I.P. Kognitivnye sposobnosti*. — M.: IF RAN, 2005.
- [9] *Mikeshina L.A. Jepistemologija cennostej*. — M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2007.
- [10] *Nauka i kvazinauka* / Pod red. V.M. Najdysha. — M.: Al'fa-M, 2008.
- [11] *N'juton I. Matematicheskie nachala natural'noj filosofii* / Reprint. vosproizv. izd. 1936 g. — M.: Nauka, 1989.
- [12] *Pavlenko A.N. Kommunikacija — uslovie peredachi znaniya i realizacija Vim-tehnologij* // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Filosofija»*. — 2012. — № 2. — S. 15—22.
- [13] *Rassel B. Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granicy. Per. s angl.* — Izd-vo Nika-Centr, 1997.
- [14] *Fejerabend P. Protiv metodologicheskogo prinuzhdenija. Oчерk anarhistskoj teorii poznaniya*. — Blagoveshensk: BGK im. I.A. Bodujena de Kurtenje, 1998.
- [15] *Frit K. Mozg i dusha: Kak nervnaja dejatel'nost' formiruet nash vnutrennij mir*. — M.: Astrel': CORPUS, 2010.
- [16] *Chesterfild F.D.S. Pis'ma k synu* // *Esli hochesh' byt' svobodnym*. — M., 1992.
- [17] *Abbott K.R., Sherratt Th.N. The evolution of superstition through optimal use of in complete information* // *Animal Behavior*. — 2011. — Vol. 82, Issue 1, July. — P. 85—92.
- [18] *Burke E. Reflection on the revolution in France. 1790*. Hackett Pub. Co., Indianapolis, Ind.: 1987.
- [19] *Gregory R. Eye and brain: The psychology of seeing (5th Ed.)*. — Oxford: Oxford University Press, 1997.
- [20] *Gärdenfors P. Knowledge in Flux. Modeling the Dynamics of Epistemic States*. — The MIT Press, Cambridge — London, 1988.